

полагавшийся изначально к включению в седьмую главу «Альбом Онегина» (точнее «кой-что», из него «выписанное») — это не онегинские строфы, а самостоятельная сложная конструкция из одиннадцати разнородных по объему фрагментов. Он сохранился в белой рукописи²⁹ и вполне продуман. И вообще автор «Онегина», предоставляя «документальное» слово персонажам («Вот вам письмо его *точь-в-точь*»), предпочитал не использовать для него основной стихотворной формы романа. Да и «неонегинские» тексты, написанные онегинской строфой («Езерский»), обречены были на то, чтобы остаться незавершенными.

«Десятая глава» создавалась Пушкиным в очень интересный момент. Только что он, находясь в Болдине, завершил «труд многолетний», растянувшийся на «7 ле(т) 4 ме(сяца) 17 д(ней)» (VI, 532). После завершения большой работы автор всегда испытывает сомнения — и некий текст «для себя», призванный проверить «онегинский» комплекс на представлении общего исторического фона глазами «разочарованного» и «охлажденного» жизнью героя, был собственно авторской «проверкой» смысла всего романа. Такого рода текст и не претендовал на то, чтобы занять какое-то определенное место в структуре романа в стихах — он был предназначен для того, чтобы «оценить» героя на фоне того времени, в котором он живет: эпохи, представленной *его* глазами.

И не герой виноват, что эта эпоха организовалась по принципу «неразумного *авося*», — поэтому эпоха и оказалась воспринятой столь иронически и сатирически. Поэтому, собственно, в тексте единственным «лирическим отступлением» стало рассуждение про *авось*, продолжавшего раздумья на эту тему «стихоплета великородного».

Шесть лет спустя, в последнем своем стихотворении на «лицейскую годовщину» («Была пора: наш праздник молодой...») Пушкин предпринял попытку решить вопрос, как воздействуют на сознание умного человека те разнородные и неразумные исторические события, которые предстают перед ним: «Чему, чему свидетели мы были?..». Эта попытка была поставлена уже в ином тоне и ключе — без всякого «авося». Но и она осталась незавершенным «текстом для себя»...

²⁹ ИРЛИ. Ф. 288. Оп. 1. Ед. хр. 840. Л. 3—7 об.

© В. В. Головин

«БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА»: ПОЧЕМУ БАРАТЫНСКИЙ «РЖАЛ И БИЛСЯ»

Критика и отзывы современников на «Повести Белкина» распадаются на четыре типа:

1. Неодобрительные рецензии — от сочувственных до уничижительных.¹ М. П. Погодин назвал «Барышню-крестьянку» просто дурной повестью,² а В. Г. Белинский — жалкой.³

¹ Наиболее полно критика «Повестей Белкина» разобрана в статье: Сидяков Л. С. Пушкин и развитие русской повести // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 193—217.

² Погодин М. П. Из «Дневника» // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 2. С. 31. «Читал повести Пушкина. Рассказ к сборнику замысловатый. Разговор — не его дело. Последняя дурна» (Запись от 20 октября 1831 года).

³ «В 1831 году вышли „Повести Белкина“, холодно принятые публикою и еще холоднее журналами. Действительно, хотя и нельзя сказать, чтоб в них уже вовсе не было ничего хорошего, все-таки эти повести были недостойны ни таланта, ни имени Пушкина. Это что-то вроде повестей Карамзина, с тою только разницею, что повести Карамзина имели для своего времени великое значение, а повести Белкина были ниже своего времени, особенно жалка из них

2. Пародические тексты — О. И. Сенковского и, как нам кажется, О. Сомова. О. И. Сенковский в 1835 году за подписью «А. Белкин» издал «Потерянную для света повесть», где некто пытается рассказать историю, но слушатели так и не могут понять ее смысл. Орест Сомов в 1832 году опубликовал повесть «Роман в письмах», где присутствует изрядное количество нарочито нескрываемых мотивов «Метели» и «Барышни-крестьянки».

3. Единичные положительные оценки — «Повести Пушкина, так называемого Белкина, — писала М. Н. Волконская в письме к С. Н. Раевской в 1832 году, — являются здесь настоящим событием. Нет ничего привлекательнее и гармоничнее этой прозы. Всё в ней картина. Он открыл новые пути нашим писателям».⁴

4. В. Кюхельбекер находил «Станционного смотрителя» смешным.⁵ Е. Баратынский, прочитав повести, как утверждает Пушкин, «ржал и бился».⁶

Не будем судить строго критиков, не заметивших тончайшего изящества Пушкина. В конце концов, они кое-что подметили, называя повести анекдотами и сказочками.⁷ Но мы принадлежим партии Баратынского.⁸

Первая причина почему «ржал и бился».

Опубликовано немало статей о реминисценциях, узнаваемых сюжетах и персонажах в «Повестях Белкина».⁹

Есть среди них и весьма убедительные. Напомним выводы только двух статей. В 1928 году Д. П. Якубович предположил, что источником сцены встречи на охоте Берестова и Муромцева является IX глава весьма популярного в России романа Вальтер Скотта «Ламмермурская невеста» (1819): «Мне думается, что не без некоторого влияния этих сцен „Ламмермурской Невесты” и охотничьи сцены в Пушкинской „Барышне-крестьянке”». Он перечисляет общие мотивы: вражда соседей, один из которых имеет дочь, другой сына. Юноша на охоте встречает своего врага — Лорда Астона с дочерью. Из-за грозы лошадь девушки чуть не понесла, но Равенсвуд помогает ей. Герои вынужденно (испуг девушки) следуют вместе домой, где у них, доселе относившихся друг к другу неприязненно, завязывается дружеская беседа. Далее Якубович параллельно публикует два текста — Вальтера Скотта и Пушкина, и все становится более чем убедительным. Приводим только два фрагмента статьи Якубовича:

1. W. Scott

«Незнакомец заговорил с Равенсвудом весьма учтиво, но с некоторым замешательством» («He accosted Ravenswood very politely, but not without some embarrassment»).

Пушкин

«Делать было нечего: Муромский, как образованный Европейец, подъехал к своему противнику и учтиво его приветствовал»...

одна — „Барышня-крестьянка”, неправдоподобная, водевильная, представляющая помещичью жизнь с идиллической точки зрения...» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. VIII. С. 448).

⁴ Цит. по: Султан-Шах М. П. М. Н. Волконская о Пушкине в ее письмах 1830—1832 годов // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 267.

⁵ Дневник В. К. Кюхельбекера. Материалы к истории русской литературной и общественной мысли 10—40 годов XIX века. Л., 1929. С. 106—107 (Запись от 20 мая 1833 года).

⁶ В письме от 9 декабря 1830 года, сделав особую помету: «Для тебя единого», Пушкин писал П. Плетневу: «Еще не всё: (Весьма секретное) Написал я прозою 5 повестей, от которых Боратынский ржет и бьется...»: Пушкин. Полн. собр. соч.: В 17 т. М., 1941. Т. 14. С. 133. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера тома, части и страницы.

⁷ Московский телеграф. 1831. Ч. 42. С. 255—256.

⁸ В наследии Баратынского ни подтверждений, ни опровержений пушкинского замечания о его реакции на «Повести Белкина» мы не нашли. Критические отзвывы касаются других пушкинских сочинений (см.: Татевский сборник С. А. Рачинского. СПб., 1899).

⁹ О «Повестях Белкина» написаны сотни научных трудов, но нам удалось обнаружить только одну статью столетней давности, отдельно посвященную «Барышне-крестьянке»: Сперанский М. Н. «Барышня-крестьянка» Пушкина и «Урок Любви» Монтолье // Сб. Харьковского историко-филологического общества. 1910. Т. XIX. С. 125—133.

2. «В главе XIV „Ламмермурской Невесты” лорд Астон с дочерью обедают в жилище недавнего врага: „Равенсвуд, несмотря на предубеждение и на основательные причины злобы против сэра В. Астона, тем не менее находил удовольствие и интерес в его беседе, а лорд... с блеском выказывал всё свое красноречие”. (Ср. у Пушкина сначала: «Соседи, завтракая, разговорились довольно дружелюбно» и потом: «Муромский уехал не прежде, как взяв с него честное слово на другой же день (и с Алексеем Ивановичем) приехать отобедать по-приятельски. Таким образом вражда старинная и глубоко укоренившаяся, казалось, готова была прекратиться от пугливости куцой кобылки»).¹⁰

Другие фрагменты в статье Якубовича столь же показательны.

М. Елиферова в статье «Шекспировские сюжеты, пересказанные Белкиным» анализирует соответствующие мотивы «Ромео и Джульетты» и «Барышни-крестьянки», их инверсии и модификации и показывает явное сходство диалога кормилицы и Джульетты и Насти и Лизы у Пушкина (медлительность одной и нетерпение другой). М. Елиферова справедливо отмечает, что диалог Насти с Лизой «почти копирует диалог кормилицы и Джульетты (акт II, сц. 5)». ¹¹

Она также указывает на специфичность переводов на русский язык трагедии Шекспира В. Померанцева 1790 года и А. Ротчева 1825—1827 годов, в которых были и наперсницы и благополучные концовки. М. Елиферова считает, что Белкин мог ориентироваться только на такие переводы, потому что, судя по его биографии, он не знал английского. Нам представляется возможным, что Пушкин обыграл это обстоятельство. Его герой, англоман Муромский, за всю повесть только однажды выговорил по-английски в конце русского предложения расхожую этикетную формулу — «*my dear*», а дочь англомана и ученица англичанки мисс Жаксон Лиза говорит только на русском, на его местном диалекте, и на французском, даже когда ситуация требует английского.

В «Гробовщике» Белкин блеснул своей просвещенностью: «Просвещенный читатель ведаёт, что Шекспир и Вальтер Скотт оба представили своих гробокопателей людьми веселыми и шутливыми, дабы сей противоположностью сильнее поразить наше воображение. Из уважения к истине мы не можем следовать их примеру, и принуждены признаться {...}» (VIII, 1, 89).

Итак, можно «ржать и биться» над тем, как Белкин вставляет в свою повесть предельно узнаваемые «кальки» известнейших и популярнейших произведений. Баратынский «ржет» над Белкиным-прозаиком и остроумием Пушкина.

Но главное, что подтверждает наши предположения, — свидетельство самого Пушкина. В «Заметке о „Графе Нулине”» Пушкин пишет: «Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась, я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть» (XI, 188). Заметка датируется 1830 годом, через пять лет после выхода «Графа Нулина». Таким образом, мысль о пародировании Шекспира для него по-прежнему актуальна. «Гробовщик», где прямо упоминается Шекспир, датируется в рукописи 9 сентября того же 1830 года, а «Барышня-крестьянка» — 20 сентября. Мысли о пародировании Шекспира и их воплощение датируются одним годом и месяцем.

Вторая возможная причина почему «ржал и бился».

Переодетая в крестьянку Лиза выходит на первое свидание с Алексеем, проснувшись «ни свет ни заря», в то время когда пастух выгоняет деревенское стадо. Временная формула «ни свет, ни заря» означает «очень рано», и в данном случае, скорее всего, фиксирует самое раннее утро. Автор уточняет, что «заря сияла на

¹⁰ Якубович Д. П. Реминисценции из Вальтер Скотта в «Повестях Белкина» // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комиссия для издания сочинений Пушкина при Отд. гуманитарных наук АН СССР. Л., 1928. Вып. 37. С. 110.

¹¹ Елиферова М. Шекспировские сюжеты, пересказанные Белкиным // Вопросы литературы. 2003. № 1. Электронная версия статьи: <http://magazines.russ.ru/voplit/2003/1/mel.html>

востоке, и золотые ряды облаков, казалось, ожидали солнца, как царедворцы ожидают государя; ясное небо, утренняя свежесть, роса, ветерок и пение птичек наполнили сердце Лизы младенческой веселостию» (VIII, 1, 113). Следующая временная характеристика — «в шестом часу утра весеннего утра» (VIII, 1, 114). В этот момент она встречает Алексея. Алексей охотится с легавой, это значит, что Петров день (29 июня ст. ст.; 12 июля н. ст.) — день начала охоты — уже прошел. Ранее охотиться Алексею было невозможно. И дело не в традиции, закрепленной государственным правилом, начинать охоту с Петрова дня.¹² Алексей просто не мог как благородный человек охотиться ранее, ибо его собака без выстрела хватала бы не вставших на крыло «хлопунцов». Это было бы чистейшим варварством и не достойно дворянина. Более того, он сам бы расстроил себе всю будущую охоту, поскольку его собака передавила бы все выводки. Пушкин знал сроки начала разных охот.¹³ Получается некоторая временная нестыковка. Весна продолжается после Иванова (7 июля) и Петрова дня, когда по русской традиции этими днями она заканчивается. Световые и природные характеристики, в том числе невозшедшее солнце в районе пяти часов утра, скорее, свидетельствуют о более раннем календарном времени. К тому же Лиза оправдывается перед Алексеем, что идет по грибы и несет на веревке кузовок. Алексей верит ее оправданиям.

Летнее время подтверждается игрой Насти накануне с тугиловскими крестьянками в горелки. Обычно эта игра приурочивается к Иванову дню.¹⁴ Как утверждает автор лучшей книги о русских играх Е. А. Покровский: «игра эта особенно часто ведется летом, вечером, после того как схлынет жара, а сон после нея, по замечанию игроков, бывает особенно крепок».¹⁵

Пространство «отдаленной губернии» повести склоняется к югу: псовая охота была значительно более распространена в степных местах. То есть лето здесь наступало ранее, чем в северных губерниях. Но это ни в коем случае не меняло регламентированного времени начала охоты, да и горелок.

Итак, возникает некоторая «календарная» несогласованность, что также может смешить: весной, но летом, после Иванова и Петрова дня, а сбор грибов в читательском сознании тяготеет к осени, наступающей после Ильина дня (2 августа). Три времени года в один день. И писатель, и читатель, и тем более крестьянин той поры никогда не регламентировали времена года по первым числам марта, июня, сентября и декабря.

¹² Государственный указ от 17 июля 1773 года гласил: «...марта с 1 числа до Петрова дня никому и нигде во всем государстве зверей и птиц (...) не ловить, так и собаками не ездить и не стрелять». Этот срок подтверждался государственными актами в 1827, 1837, 1839, 1858, 1867, 1875, 1891 годах (Соловьев Д. Н. Основы охотоведения. М., 1926. Ч. IV. С. 692—700).

¹³ В письме П. А. Вяземскому от 7 июня 1824 года он употребляет расхожую поговорку: «Нет, душа моя Асмодей, отложим попечение, далеко кулику до Петрова дня — а еще дале [нам] бабушке до Юрьева дня» (XIII, 97). Алексей Николаевич Вульф, сын тригорской соседки П. А. Асиловой от первого брака и друг Пушкина, был страстным ружейным охотником. В его дневниках, разумеется, не нарушаются сроки охоты, и более того, в его дневниках отмечены дни, когда он и общался с Пушкиным, и охотился (Вульф А. Н. Дневник, 1828—1831 гг. // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1915. Вып. 21—22. С. 1—200). В записках В. И. Дала отмечен любопытный анекдот, где по просьбе Пушкина капитан Артюхов страстно рассказывает о прелестях ружейной охоты с легавой собакой (Даль В. И. Записки о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 262—264). В пушкинской библиотеке была книга об охоте с легавыми Логина Краузольда «Наставление человеку, упражняющемуся в охоте, и разговор двух приятелей Пустынника и Лесолоуба, о должности охотника в наблюдении охоты и хранении запovedных мест, с приобщением о качестве винтового и другого охотничья ружья, о примечаниях, употребляющихся во время применения себя к стрельбе, о порохе и как его приготавливать и узнавать доброту, о обучении легавых щенят и о содержании собак» (СПб., 1766).

¹⁴ См.: Некрылова А. Ф. Круглый год. М., 1989. С. 253—254.

¹⁵ Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские. В связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной. СПб., 1994. С. 111.

Допустить, что Белкин просто повторяет рассказ девицы К. И. Т., сообщившей ему этот сюжет, невозможно — слишком велико стилистическое отличие этой части повести от предшествующей. Здесь он определенно выступает как наивный писатель.

Предложим объяснение такому парадоксу. Данная часть повести — сгусток сентиментальных формул (об этом ниже), и Белкин не чувствует времени текста, пасторальная любовь наиболее созвучна весеннему состоянию природы, таким образом естественные и выдуманные причины встречи Алексея (охота) и Лизы (сбор грибов) он подчиняет времени и настроению сентиментальной встречи.¹⁶

Но, возможно, Пушкин и Белкин стоят на разных полюсах читательской игры «веришь — не веришь», и в тексте они могут как разделяться, так и соседствовать.

Случайного у Пушкина не встретишь: «Ярко солнце горело на востоке» из черновой рукописи, сменилось в беловом тексте на сияющую на востоке зарю (VIII, 2, 673). Пятый час весеннего утра сменился шестым. Передвинув знак природы и конкретное время на час, Пушкин сменил и время года.

Третья причина смеха.

До похода Лизы автор вполне реалистично характеризует персонажей повести, их противоречия и страсти. Выход Насти в Тугилово резко меняет стилистику повествования. Не смеяться, на наш взгляд, нельзя. Белкин соревнуется с эпигоном сентиментализма князем П. И. Шаликовым, доводя концентрацию сентиментальных формул разного характера почти до абсурда.

Без всякого перехода начинается тривиальное сентиментальное изложение. «Настя за воротами ожидала пастуха». Отметим, что стилистически новое повествование начинается со знаковой сентиментально-пасторальной фигуры — пастуха. Далее звуковая сентиментальная формула: «заиграл рожок, и деревенское стадо потянулось мимо барского двора». В следующем предложении Лиза уже сентиментальная пейзажка — «Лиза тихонько нарядилась крестьянкою» (VIII, 1, 113).

Далее концентрация сентиментальности нарастает: «Заря сияла на востоке, и золотые ряды облаков, казалось, ожидали солнца, как царедворцы ожидают государя; ясное небо, утренняя свежесть, роса, ветерок и пение птичек наполняли сердце Лизы младенческой веселостию; боясь какой-нибудь знакомой встречи, она, казалось, не шла, а летела» (VIII, 1, 114). Лиза входит в рощу (в черновиках сельскую), а роща — самое частотное место для пасторальной встречи.¹⁷ Вспомним сельскую повесть П. Ю. Львова «Роза и Любим». Роза «в один день поутру, очень рано, когда еще *румяная заря* освещала все предметы...», «*взяла корзинку*», под пение соловья («Какое восхитительное его пение! Как звонко раздается оно по *рощам*»), услышала рыбака Любима и «оторопевшая пастушка молчит, *собака залаяла...*» (курсив мой. — В. Г.). Далее Любим просит поцелуя...¹⁸

Этот короткий фрагмент Пушкина удивительно похож на большую часть знаковых сентиментальных повестей. В повести В. В. Измайлова «Ростовское озеро» наблюдатель в настроении «весеннего ветерка» встречает молодого человека, который рассказывает ему свою историю: отправившись из деревни в Московский университет (в черновиках у Пушкина есть такой вариант учения Алексея: «Он воспитан был в М.〈осковском〉 унив.〈ерситете〉») (VIII, 2, 664), он, по окончании его,

¹⁶ Возможно и другое объяснение, хотя оно нам кажется «притянутым»: действие происходит в районе Кузьмино (14 июля), когда по некоторым русским традициям идет последнее прощание с весной. Это соответствует двум дням охоты Алексея, а Лиза благополучно собирает ранние грибы — колосовики.

¹⁷ В конце повести эта роща получит собственный топоним: «Читатель догадается, что на другой день утром Лиза не замедлила явиться в роще свиданий» (VIII, 121). Общеизвестно, что роща — одно из самых частотных мест встреч возлюбленных в сентиментальных повестях и самых популярных пасторалей XVIII—начала XIX века (см.: Новикова А. М. Русская поэзия XVIII—первой половины XIX в. и народная песня. М., 1982).

¹⁸ Львов П. Ю. Роза и Любим // Русская сентиментальная повесть. М., 1979. С. 33—61.

возвращается в родные места, не забыв упомянуть про «блеяние прогоняемого стада» и «песни веселых поселян», на берегу озера встречает черноволосую (NB!) поселанку с голубыми глазами. Измайлов тут же комментирует: «предупреждая критиков, требующих для черных волос черных и глаз, мы скажем, что натура не сообразуется иногда с ее правилами» (ср. у Лизы).¹⁹ Более того, измайловская крестьянка Анюта говорила «самым чистым французским языком». Напомним, что пушкинская Акулина в черновиках просила Алексея обучить ее французскому (VIII, 2, 688).

Через несколько предложений в «Барышне-крестьянке» объявляется и необходимый для сентиментальной повести наблюдатель («Алексей (читатель уже узнал его) между тем пристально глядел на молодую крестьянку» (VIII, 1, 144)). Для полного набора сентиментальных знаков не хватает только журчания ручья и запаха амброзических испарений. Впрочем, «нехватка» водяных звуковых символов, на наш взгляд, отчасти восполняется звуковой характеристикой рощи: «Лиза вошла в сумрак рощи. Глухой, перекатный шум ее приветствовал девушку» (VIII, 1, 114). В черновике в роще был «невнятный» шум (VIII, 2, 673). Как нам представляется, звуковая характеристика рощи (глухой, перекатный) более подходит к звуковой характеристике водопада и быстрой реки, несущейся по камням.

Такое нагромождение в одном предложении природных, звуковых и прочих знаков сентиментального повествования, на наш взгляд, должно было вызывать у просвещенного читателя не чувствительное переживание, а разве что смех. Искусленный читатель мог смеяться от проделки Пушкина, сотворившего провинциального автора-эпигона, который мало того что бездумно перечислял сентиментальные символы, но и умудрился ходячую сентиментальную характеристику водопада применить к роще.

Добавим еще один сентиментальный локус — ферму: «Молодые люди расстались. Лиза вышла из лесу, перебралась через поле, прокралась в сад и опроретью побежала в ферму, где Настя ожидала ее» (VIII, 1, 115). Ферма — не только творение ее отца-англомана. Ферма — архитектурное олицетворение сентиментализма. В 1831 году по проекту А. Менеласа в Петергофе, в Александрии, недалеко от Коттеджа появляется Ферма, где реализуются пасторальные мотивы: луга, пастушки, коровы. Как свидетельствует Л. Динцес, Ферма является «едва ли не единственным в истории русского искусства большим архитектурным памятником николаевского сентиментализма, без налета романтики».²⁰ После превращения А. Штакеншнейдером Фермы во дворец всю живность с «пастушками» перемещают на так называемую Новую Ферму в той же Александрии.

Не увидеть во фрагменте пушкинской повести использование сентиментальной формульности и известнейших мотивов невозможно. Значит, вполне можно «ржать и биться».

Четвертая причина смеха: охотник встречает девушку и влюбляется.

Охотничья поэзия включала только три мотива: охотничьей страсти, восхищения природой и встречи охотника с прекрасной девушкой. Если в первом превенствовал Сумароков, то в последнем, разумеется, Державин. Его стихотворение «Охотник» 1802 года, с изрядным эротическим подтекстом, следует процитировать полностью:

За охотой ты на Званку
Птиц приехал пострелять;
Но, белянку и смуглянку
Вдруг увидев, стал вздыхать.

¹⁹ Измайлов В. В. Ростовское озеро // Там же. С. 151.

²⁰ Митюрин Д. Фермерский дворец в контексте «Железа и Крови»: <http://www.antiq.info/6212.html> (журнал «Антик.Инфо»).

Что такое это значит,
 Миленький охотник мой?
 Ты молчишь, а сердце плачет:
 Птицы ль не убил какой?
 Дев ли остренькие глазки
 Понаделали хлопот?
 С их ланит, из алой краски,
 Зрел я, целился Эрот.
 Как же быть? И чем лечиться?
 Птичек ты багрил в крови:
 И тебе пришло томиться
 От смертельных любви.²¹

Обратим внимание на описание девушки в первой строфе (белянка и смуглянка) и сравним ее с пушкинской Лизой («Ей было семнадцать лет. Черные глаза оживляли ее смуглое и очень приятное лицо»), однажды изрядно набелившейся (VIII, 1, 111).

Вспомним и другое стихотворение Державина «Пчелка золотая», где пчелка влюблялась в Лизу (!), у которой «желтые власы» и «алые уста». Быстро появившийся народный вариант приблизил описание Лизы к пушкинскому:

У моей у Лизочки
 Русая коса,
 Голубая лента
 Ниже пояса,
 Черные брови,
 Серые глаза...²²

Стихотворение Г. Р. Державина быстро попало в песенники и быстро фольклоризировалось. Его фольклорный вариант, с рядом эротических стихов, широко бытует и сейчас, особенно в казачьем распеве.

Однако все это — лишь вступление к презентации другого текста, который часто приписывают Державину. Речь идет о знаменитой фольклорной песне «В островах охотник целый день гуляет», с мотивом встречи охотника и девицы, также с явным эротическим подтекстом. Автор этих строк не только периодически слышит ее в концертных трансляциях, но и последний раз записывал песню в 2006 году в старообрядческих деревнях на реке Пижма Усть-Цилемского района Республики Коми. Ее источником служит пасторальный текст, впервые опубликованный в двух редакциях в Новом Российском песеннике в 1781 году:²³

Один мантый охотник в полях разъезжает
 И в лавровых островах везде разглядает;
 Разразить печали судьбой,
 Провождает время в мыслях сам с собой.

(Последний стих повторяется дважды в каждом куплете. — В. Г.)

Наехал на речку, где кристальны воды,
 Зефиры летали с приятной погоды;
 На берегу хотел отдохнуть,
 Эхе, эхе, эхе, гончих стало чуть.

Охотник не медля на лошадь садился,
 Зверя любопытно видети он тщиля;

²¹ Державин Г. Р. Охотник // Державин Г. Р. Стихотворения. 2-е изд. Л., 1957. С. 288.

²² Цит. по: Новикова А. М. Указ. соч. С. 19.

²³ Новый Российский песенник. СПб., 1781. Ч. 1. С. 117. № 109. Вторую редакцию см.: Там же. С. 119. № 111.

И увидал, задрожал, упал,
— Венера! Венера! — тихонько сказал.

Лицо у той покрыто алыми цветами,
Груди белей снега, открыты судьбами,
От страстей задрожал, упал,
И так ту красотку бедну испугал.

Из прекрасных очей слезы показались,
Была как уже мертва, ничем не владела,
Пастушка, в память приходя,
Промолвила слово, на него глядя:

— Злодей ты, охотник! Поступил бесстыдно,
Зверское в том дело учинил ехидно:
Отнял ты честь, как лютейший зверь,
Есть ли в том рассудок иль какой пример?

Не найдешь ты зайца ни в прекрасных пущах,
Отъезжай ты дальше от моего жилища
И из лесов с лавровых дерёв,
Где пасут овечек, пригорских коров.

— Моя дорогая! Тому уж не статься,
Чтобы мне с тобой столь скоро расстаться;
Слышишь ли, стали в трубы играть,
Поедем со мною, будем ночевать.

Садились на лошадь, хоть не весёлы,
Приехали в лагерь, веселиться стали;
Дивились слуги тому русаку,
Пошло наше счастье теперь на руку.

Добавим, что в вариантах этого текста охотник встречается возлюбленную не в островах, а в рощах. Настоящий сюжет — исключительно редкий, в остальных пасторальных произведениях того времени встречаются пастухи и пастушки. Возможно в этом и заключается причина его фольклоризации. У нас нет фактов фольклорной жизни этого произведения в начале XIX века, но его варианты неоднократно печатались на рубеже XVIII—XIX веков. Удвоение последнего стиха каждой строфы, как справедливо считает А. М. Новикова, свидетельствует о том, что эта пастораль в конце XVIII века не только читалась, но и пелась.²⁴

По поводу второй строфы возникает одно предположение. Встречаемая возлюбленная дважды обозначается Венерой. А в повести Пушкина Лиза во время первого свидания клянется святой пятницей, которой не клялись. Но на французском языке, который к месту и не к месту предпочитает Лиза, пятница обозначается как день Венеры (*vendredi*).

Узнавание в пушкинской повести сюжета расхожей песни не только усиливало комическое восприятие «Барышни-крестьянки», но и добавляло эротические коннотации.

В заключение просто перечислим названия самых известных пасторалей, которые вошли в многочисленные рукописные сборники начиная с середины XVIII века: «Лишь только занялась заря», «Разлейтесь по рощам, потоки чистых вод», «Поди прочь, не докучай мне, молодец», «Собирались красны девки за околицу гулять», «На зеленом на лужку, где бежала речка», «Лишь лучи солнца свет дали, пастушки овец погнали». Как видно, практически все названия поразитель-

²⁴ Новикова А. М. Указ. соч. С. 22.

но близки текстуально к фрагменту пушкинской повести, в которой описывается первое свидание Лизы и Алексея.

Таким образом, чтение пушкинской повести превращалось в ежесекундное узнавание знакомых символов. «Оригинальность» Белкина доведена Пушкиным до абсурда, который мог изрядно тешить читателя.

«Отрицательные» персонажи повести

Обычно после прочтения пушкинской повести не складывается негативного отношения к какому-либо из героев. В то же время детальный анализ повести показывает, что всем, кроме Алексея, автор дает только отрицательные и нейтральные характеристики. Попытаемся разобраться в этом парадоксе.

Иван Петрович Берестов

Первая характеристика Берестова приводится во втором предложении повести: «В молодости своей служил он в гвардии, вышел в отставку в начале 1797 года, уехал в свою деревню и с тех пор оттуда не выезжал». Б. В. Томашевский комментирует ее так: «В 1796 году 6 ноября умерла Екатерина II. Восшедший на престол Павел I окружил себя новыми людьми, всячески преследуя сторонников Екатерины, в частности офицеров гвардии» (VIII, 109).²⁵

Такая точка зрения возможна. Берестов, как гвардеец, мог подать в отставку, видя преследование старших полковых товарищей. Но в данном случае мы считаем комментарий авторитетнейшего пушкиниста недостаточным. Томашевский упустил возраст Берестова-гвардейца — «в молодости». Преследования младших чинов не было. Гвардия давно вела столичную гарнизонную жизнь, не воевала, а воцарение Павла сулило перемены. С первых дней воцарения нового государя изменилась и сама служба, а молодой офицер Берестов не желал таких перемен.

Дальнейшее описание Берестова напоминает камертон и определяет код начального повествования, где на первых двух страницах читателя знакомят с героями повести. За положительной характеристикой следует отрицательная, которая перевешивает первую. Или же наоборот. Подчеркнем, что это часто происходит в одном предложении.

Следующее предложение дает Берестову новую и оригинальную характеристику: «Он был женат на бедной дворянке, которая умерла в родах, в то время как он находился в отъезде в поле» (VIII, 1, 109). Сначала положительный момент — женат на бедной дворянке, второй — безусловно отрицательный: покинул беременную жену, дабы на месяц удалиться на охоту. При таком обороте событий он безусловно был бы осужден. И поскольку в повести фигурирует только один его сын, у читателя возникает справедливая мысль: как можно покинуть жену, ожидающую первенца и, возможно, первого наследника? Охота пуще неволи, но так вести себя дворянину негоже.

Далее: «Он выстроил дом по собственному плану, завел у себя суконную фабрику, утроил доходы и стал почитать себя умнейшим человеком во всем околотке, в чем и не прекословили ему соседи, приезжавшие к нему гостить с своими семействами и собаками». Умное хозяйствование сочетается с особой характеристикой: *не его, а он* «стал почитать себя умнейшим человеком во всем околотке».

Обратим внимание и на пространственное определение: околоток. Едва ли Пушкин соотносил обозначенное пространство с границами полицейского участка,

²⁵ Томашевский Б. В. Примечания // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 6. С. 522.

но околоток — это принципиально небольшое, ближайшее пространство. Поэтому самоопределение «умнейший человек околотка» явно уступает «первому поэту уезда» и соотносимо с «лучшим дворянином прихода». Комические смыслы в представлении Берестова читателям очевидны. «В чем и не прекословили ему соседи» — дополнительный знак его характера, с намеком на вспыльчивость или вздорность.

Следующее предложение также подобно камертону: «В будни ходил он в плисовой куртке, по праздникам надевал сертук из сукна домашней работы; сам записывал расход и ничего не читал, кроме Сенатских Ведомостей». Оценка по-прежнему противоречива. Первая и третья части (плисовая куртка и запись расходов) — положительные знаки скромности и домовитости. Чередующиеся с ними 2 и 4 часть на первый взгляд нейтральны, но мы предполагаем в них наличие отрицательных коннотаций.

Начнем с «сертuka из сукна домашней работы». Праздничный сюртук — скорее форма, чем одежда.

Исключительное чтение только «Сенатских Ведомостей» мы относим к важнейшим из характеристик Берестова. В черновиках Пушкин предполагал чтение «Московских Ведомостей», но отказался от них в пользу «Сенатских Ведомостей» (VIII, 2, 662).

Что же читал Берестов? «Сенатские Ведомости» выходили с 1809 года. Неужели Берестов начал читать только одну газету и только на тринадцатый год жизни в деревне? Читатель имеет право об этом задуматься. Газета публиковала указы и распоряжения правительства, продвижение по государственной службе и списки награжденных. Возможно, Берестов наблюдал за продвижением своих бывших товарищей, не оставивших службу или вернувшихся на нее после павловского правления. За текстом о чтении газеты как бы следуют комментарии тугиловского помещика о его бывших друзьях.

Если бы Пушкин оставил, как в черновой редакции, чтение «Московских Ведомостей», то перед нами предстал бы совершенно другой человек. Он бы, наряду с материалами о внутренней жизни, читал иностранные известия, статьи по литературе, искусству, науке, статистические материалы, библиографию. Но Пушкин отказал Берестову в звании интеллектуального читателя.

Сопоставим: Берестов «ничего не читал, кроме Сенатских Ведомостей», но «стал почитать себя умнейшим человеком во всем околотке», а его конкурент Муромский «почитался человеком не глупым». Комментарии излишни.

Продолжим характеристику Берестова. Соседи «вообще его любили, хотя и почитали гордым» (VIII, 1, 109). Элемент его осуждения очевиден. Более того, именно он первый беспрестанно злился и острословил в адрес соседа Муромского. Муромскому доносили «с дополнением и объяснениями» его шутки, а не наоборот. Какое ему дело до увлечений соседа. Почему он не был к ним снисходителен: «Да-с! — говорил он с лукавой усмешкою, — у меня не то, что у соседа Григорья Ивановича. Куда нам по-английски разоряться! Были бы мы по-русски хоть сыты» (VIII, 1, 110).

Кроме вздорности характера Берестова, Пушкин явственно показывает главную причину их вражды. Берестов не мог не первенствовать. В Муромском он видел не увлекающегося соседа, а конкурента. Хотя бы на уровне околотка.

Пафосное изречение Берестова: «Куда нам по-английски разоряться! Были бы мы по-русски хоть сыты» — имеет, на наш взгляд, еще один иронический комментарий. Берестов имеет право его произнести — он утроил доходы, в отличие от англомана, входившего в новые долги. Но учитывая позерство помещика из Тугилова (топоним имеет явные коннотации «упрямства»), его изречение несколько урапатриотично и соответствует популярному тогда спору о русском и английском типах хозяйствования. В 1806 году Ф. В. Растопчин выпустил в связи с этим спором бро-

шюру «Соха и плуг» (в пользу сохи), имевшую в том числе эпиграф, схожий с суждением Берестова «отцы наши не глупее нас были». Если Пушкин отчасти сопоставлял Раstopчина и Берестова, то ирония над ура-патриотизмом очевидна. Однако в этой фразе возможна и другая ирония: автор высокопарной фразы и защитник сохи граф Раstopчин ранее выписал себе англичанина-фермера, применял удобрения и заменял соху английским плугом! Не случайно же Пушкин заметил, что Муромский: «Поля свои обрабатывал (...) по английской методе» (VIII, 1, 109).

Следующее появление Берестова происходит в сцене встречи двух соседей на охоте: «Иван Петрович Берестов выехал прогуляться верхом, на всякий случай взяв с собою пары три борзых, стремянного и несколько дворовых мальчишек с трещотками» (VIII, 1, 117).²⁶ Если Берестов, выезжая на охотничью прогулку, а не настоящую охоту, снисходительно берет «пары три борзых», стремянного и несколько мальчишек, то это свидетельствует о том, что он владелец «комплектной» охоты, а не мелкотравчатой или односворной. Комплектная охота должна включать 5—12 свор борзых (20—36 собак), стаи гончих (18—40 собак) и целый штат обслуги: ловчего, борзятников, выжлятников, заездного, доезжачего, стремянного (он обозначен), обоза для «отъезжих полей», верховых и упряжных лошадей.²⁷ Пускай у Берестова все было по-минимуму, пускай он для выездов кооперировался с соседями, но факт остается фактом — он, как настоящий помещик, тратил огромные средства для того, чтобы тешить свою страсть. Этим фактом дискредитируются все прежние эпитеты его скромности и нерасточительности (каждодневная плисовая куртка, домотканая одежда, собственная запись расходов).²⁸

Муромский увидел его «гордо сидящего верхом, в чекмене, подбитом лисьим мехом» (VIII, 1, 117). Где прежняя скромность (домотканый сюртук)? Предложение «таким образом Берестов возвратился домой со славою, затравив зайца и ведя своего противника раненым и почти военнопленным» также намекает на редкое самодовольство тугиловского помещика, познавшего *военную победу* от затравленного зайца и ушибленного соседа (VIII, 1, 118).²⁹ О таких чувствах Берестова нам позволяет говорить и блестящее «измерение» Пушкина: «но он наехал на Берестова вовсе неожиданно и вдруг очутился от него в расстоянии pistolетного выстрела» (VIII, 1, 117). Вместо напряженного «пistolетного выстрела» в черновиках фигурировало расстояние «от него в 20 шагах» (VIII, 2, 680).

Откомментируем еще один поступок Берестова: «В два часа ровно коляска домашней работы, запряженная шестью лошадьми, въехала на двор и покатила около густо-зеленого дернового круга» (VIII, 1, 119). Берестов устроил ни что иное, как генеральский выезд. В столицах, в губернских и даже уездных городах ему

²⁶ Пушкин, который не был охотником, тем не менее, хорошо знал псовую охоту. Сцены псовой охоты с очень точными описаниями ее правил, обычаев, ритуалов, атрибутики есть в «Дубровском», «Графе Нулине», в повести «Капитанская дочка» (благодаря стремянному Савельичу Гринев «выучился (...) грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля») (VIII, 1, 279). Пушкин пенял Загоскину на неправильное употребление охотничьей лексики в рецензии на «Юрия Милославского» (X, 365). В письме жене от 14 сентября 1833 года он пишет: «...Только выехал на большую дорогу, заяц перебежал мне ее. Чорт его побери, дорого бы дал я, чтоб его затравить... Дорого бы дал я, чтоб быть борзой собакой; уж этого зайца я бы отыскал». Некоторые из соседей Пушкина были страстными псовыми охотниками, например болдинский приятель Валерьян Ермолов, племянник известного борзятника Н. П. Ермолова — заводчика так называемых «ермоловских» собак.

²⁷ См.: Губин П. Полное руководство ко псовой охоте. М., 1890.

²⁸ Намек на такую характеристику уже прозвучал в начале повести, когда Пушкин говорит о соседях, гостивших у Берестова «с своими семействами и собаками» (VIII, 1, 109).

²⁹ Для полноты картины и создания зрительных впечатлений из книги П. Губина (сн. № 27) добавим следующее. Поскольку заяц затравлен, то Берестов должен был, соскочив с лошади, принять его от собак; отколоть зайца (воткнуть нож в грудь между плечами на 1½—2 вершка в глубину в вертикальном направлении), отпазанивать и второчить в заднее горло к седлу за задние ноги.

сразу бы заметили: «не по чину», а здесь «он стал почитать себя умнейшим человеком во всем околотке» и, видимо ревниво начитавшись в «Сенатских Ведомостях» о продвижениях своих бывших товарищей, сопоставил себя с генералом. Правда, на уровне околотка. Коляска домашней работы, запряженная шестью лошадьми, — блестящий культурный оксюморон. Есть чему смеяться.

Далее в повести следуют совершенно неместные характеристики Берестова. При первом визите к соседу он «смеялся своему смеху», затем он придумал партию своему сыну, поскольку сосед был «редкой оборотливости», но главное: «Григорий Иванович был близкий родственник графу Пронскому, человеку знатному и сильному; граф мог быть очень полезен Алексею, а Муромский (так думал Иван Петрович), вероятно, обрадуется случаю выдать свою дочь выгодным образом» (VIII, 2, 120; 122).

Разговор с сыном о женитьбе показывает Берестова изрядным самодуром и упрямым. Моментально всплыв, в случае отказа он грозит лишить наследства и родительским проклятием, бессердечно равнодушен к чувствам сына и предлагаемой невесты.

Автор после такого диалога уместно сравнивает тугиловского помещика с Тарасом Скотининым.

Итак, комментируя текст, мы составили приличный список негативных характеристик Берестова. Но отрицательное отношение к нему нейтрализуется тем, что он быстро проявил дружелюбие к своему врагу и пускай из меркантильно-статусных соображений, но стремился к счастью Алексея и Лизы, чего жаждал и читатель.

Григорий Иванович Муромский

Самой главной характеристикой Муромского, возможно, является следующее описание: «Лошадь Муромского, не бывавшая никогда на охоте, испугалась и понесла. Муромский, провозгласивший себя отличным наездником, дал ей волю и внутренне доволен был случаем, избавляющим его от неприятного собеседника. Но лошадь, доскакав до оврага, прежде ею не замеченного, вдруг кинулась в сторону, и Муромский не усидел» (курсив мой. — В: Г.) (VIII, 1, 117). Муромский как бы повторяет самооценку Берестова «стал почитать себя умнейшим человеком во всем околотке» — «провозгласивший себя отличным наездником». Но провозгласив себя, он позорно упал. Ирония очевидна. Учитывая такую близость самооценок соседей-помещиков, падение Муромского, на наш взгляд, отчасти и комментарий к самохарактеристике Берестова.

В остальном описание придучинского помещика выдержано в более мягких тонах, но не изобилует позитивными оценками: Статус «настоящего русского барина» определяется словами «промотав» и «проказничать»: «Этот был настоящий русский барин. Промотав в Москве большую часть имения своего и на ту пору овдовев, уехал он в последнюю свою деревню, где продолжал проказничать, но уже в новом роде».

«Английские» увлечения Муромского привели к тому, что «он и в деревне находил способ входить в новые долги». Ничего хорошего в этом нет — Муромский рисковал «последней своей деревней», т. е. родовым поместьем, потеря которого для дворянина является поступком бесчестным. В такой ситуации приглашать англичанку за две тысячи рублей годовых было явно не по средствам.³⁰ Но Пушкин

³⁰ Муромский платит англичанке вполне достойную сумму, плата за гувернера-англичанина тогда составляла 1,5—3 тыс. рублей ежегодно. П. А. Висковатов отмечает, что англичанин Виндсон, бывший гувернером в семье Уваровых и потом поступивший к М. Ю. Лермонтову, имел жалованье в 3000 рублей годовых и отдельный флигель для себя и жены. (Висковатов П. А. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891. С. 37.)

верен повествовательному «камертону». И характеристику Муромского он заканчивает предложением с позитивной оценкой: «со всем тем почитался человеком не глупым, ибо первый из помещиков своей губернии догадался заложить имение в Опекунский Совет: оборот, казавшийся в то время чрезвычайно сложным и смелым» (VIII, 1, 109). Заложить имение таким образом — не только возможность получить новые средства, но и путь к спасению родового поместья.

Рассуждения о замужестве дочери у Муромского также подкреплены коммерческими интересами: «Муромский нередко думал о том, что по смерти Ивана Петровича все его имение перейдет в руки Алексею Ивановичу; в таком случае Алексей Иванович будет один из самых богатых помещиков той губернии и что нет ему никакой причины не жениться на Лизе» (VIII, 1; 122).

В итоге легкость прекращения ссоры, любовь к дочери и желание ее брака с Алексеем, хоть и основанное на коммерческих соображениях, снимают негативный фон его характеристик.

Лиза-Ветри

Самая главная негативная характеристика Лизы заключается в следующем: уже будучи влюблена в Алексея («Алексей был уже влюблен без памяти, и Лиза была не равнодушнее, хотя и молчаливее его»), она была движима «темной, романтической надеждою увидеть наконец тугиловского помещика у ног дочери прилучинского кузнеца» (VIII, 1, 117). Даже ради проверки любви Алексея жаждать его серьезного конфуза, которое чревато прекращением отношений, — не самая лучшая оценка прилучинской девицы.

Первоначально репутация Лизы складывается из культурной репутации ее имени³¹ и двух первых характеристик Пушкина: «Ей было семнадцать лет. (...) Она была единственное и следственно балованное дитя»; «За Лизою ходила Настя; она была постарше, но столь же ветрена, как и ее барышня» (VIII, 1, 111).

Лиза — девушка весьма страстная: ее нетерпение и даже ревность выдает диалог с Настей, когда та рассказывает об игре в горелки с Алексеем. Сцена с передеванием свидетельствует о ее вздорности и изрядном кокетстве: «Лиза, его смуглая Лиза, набелена была по уши, насурмлена пуще самой мисс Жаксон; фальшивые локоны, гораздо светлее собственных ее волос, взбиты были, как парик Людовика XIV; рукава à l'imbécile торчали как фижмы у Madame de Pompadour; талия была перетянута, как буква икс, и все бриллианты ее матери, еще не заложенные в ломбарде, сияли на ее пальцах, шее и ушах (...) Между тем он успел заметить ножку, с намерением выставленную и обутую со всевозможным кокетством. Это помирило его несколько с остальным ее нарядом» (VIII, 1, 120).

Для современного читателя маскарадная одежда Лизы несколько непонятна. Но сравнение рукавов («рукава à l'imbécile» — т. н. «свиные окорока») с «колоколом» платья («как фижмы у Madame de Pompadour») определенно должно вызывать смех.³²

Отметим еще один момент, который вызывает вопросы. Лиза-Акулина клянется на первом свидании «святой пятницей»: «Ну вот те святая пятница, приду». Лиза явно переигрывает — святой Параскевой-пятницей не клялись.³³ Но на фран-

³¹ *Топоров В. Н.* Имя и образ Лизы в русской литературе XVIII века // *Топоров В. Н.* «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина. Опыт прочтения: К двухсотлетию выхода в свет. М., 1995. С. 393—480.

³² *Фижмы* — каркас для придания пышной формы платью (см.: *Кирсанова Р. М.* Розовая ксандрейка и драдедамовый платок: Костюм — вещь и образ в русской литературе. М., 1989. С. 248).

³³ *Б. А. Успенский*, на наш взгляд, неточно комментирует этот пушкинский отрывок. Встречаемая единственный раз, и только в литературном произведении, клятва «вот те святая

цузском пятница — vendredi — день Венеры, т. е. день богини любви. Пушкин прекрасно знал «о пятницах» — это престольный и ярмарочный день в Святых горах.³⁴ Таким образом, Пушкин не только обыгрывает нелепое подражание, но и возможно, подразумевает и любовный подтекст. Лиза, как мы знаем, и с русскими, и с англичанкой говорит только на русском и французском, а во французском языке достаточно фразеологизмов с «пятницей». Напомним, что в пасторальной песне, анализируемой в четвертом разделе статьи, искомый персонаж тоже обозначался Венерой.

Черновики также свидетельствуют, что Пушкин и не предполагал представлять Лизу как идеальную героиню: «Приехав домой, Гр(игорий) Ив(анович) объявил своей дочери, что завтра к обеду будут у них гости. Кто такие, спросила Лиза с видом неудовольствия (она была не в духе: дождик шел во всю ночь и целое утро)»; «уговорить балованн(ую) девицу» (VIII, 2, 682).

Пушкин в начале повести создает «прелестный» образ уездной барышни,³⁵ читатель жаждет счастливой развязки, он хочет любовного благополучия Алексея — это и определяет отношение к Лизе, которая хоть и влюбилась в милого Алексея — на самом деле вздорное, балованное, ревнивое и ветреное дитя. Одна реплика Нasti в черновиках может толковаться по-разному: «Распустите косу — и ступайте смело в Тугилово». Тугиловский молодой барин Алексей был не прочь поволочиться за крестьянками. Вспомним его игру в горелки и попытку обнять Лизу-Акулину («Привыкнув не церемониться с хорошенькими поселянками, он было хотел обнять ее» (VIII, 1, 114)). Распущенные волосы — точный знак готовности к самым близким отношениям.³⁶

пятница», не дает основания утверждать о ее существовании в крестьянском бытовании (*Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 135—136.*)

³⁴ О появлении Пушкина на Святогорской ярмарке писал в своем «Дневнике» опочечкий мещанин И. И. Лапин: «1825 год... 29 мая в Св. Горах был о девятой пятницы... и здесь имел счастье видеть Александру Сергеевну Г-на Пушкина, который некоторым образом удивил странною своею одеждою» (*Софийский Л. И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414—1914). Псков, 1912. С. 203.*)

³⁵ «Те из моих читатель, которые не жвали в деревнях, не могут себе вообразить, что за прелесть эти уездные барышни! Воспитанные на чистом воздухе, в тени своих садовых яблонь, они знание света и жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные рассеянным нашим красавицам» (VIII, 1, 110).

³⁶ Такое поведение женщин вне ритуала (появление с распущенными волосами) в этнографических описаниях нам не встречалось. В то же время даже в собственной экспедиционной практике автор статьи неоднократно фиксировал запрещение появления женщины в публичном месте с распущенными волосами именно как знака «беспутства». Д. К. Коновалов, описывая религиозные практики хлыстовцев, пишет: «На тех же собраниях случалось, что среди прыганья и судорог женщины распускали волосы и стремительно бросались к мужчинам с страстными объятиями и поцелуями. Вообще, эротические, страстные позы и движения, иногда с соответствующими галлюцинациями были нередким явлением в экстазе малеванцев» (*Коновалов Д. Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Сергиев Посад, 1908. С. 131.*) Осуждение такого поведения встречается и у византийцев. «Иоанн Каменяит, описавший разорение арабами Фессалоники в 904 г., приводит одну деталь, которая, по его мысли, способна сама по себе дать представление о грандиозности постигшей город катастрофы. Описывая картины убийств и разбоя, автор поражается, что женщины „не желали сдерживать себя и прятаться от глаз мужчин, не испытывая смущения, носились по городу с распущенными волосами, презрев всякое приличие” и издавая вопли. И это делали, удивляется Каменяит, не только матроны, но даже девушки-затворницы, „лелеемые для брака”» (цит. по: *Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. М., 1974. С. 162.*) Овидий, описывая римский праздник Ферне Анне Перение, также фиксирует такое разгульное поведение женщин: «Женщина найдешь, что года даже Сивилл перепьют. / Песенки также поют, каким научились в театрах, / Сопровождая слова вольным движением рук, / И хороводы ведут неуклюжие, выпив, подружки, / И, распустив волоса, пляшут в нарядах своих. / А возвращаясь, идут, спотыкаясь, толпе на потеху» (*Овидий. Собр. соч.: В 2 т. СПб., 1994. Т. 2. С. 411. Ст. 536—540.*) В ритуале распускания волос встречается и у русских, например в обряде опахивания: «В самую полночь, известив наперед, чтоб никто не выходил на улицу, женщины собираются у околицы, и шествие начинается с распущенными волосами. Впереди идет девка с образом, за ней женщина верхом на меломе, с распущенными волосами, с обнаженной грудью, в одной рубашке, в иступлении пляшет и кривается...» (*Померанцева Э. В. Роль слова в обряде опахивания // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 27.*)

Настя

Для характеристики Насти достаточно одного, часто употребляемого Пушкиным обозначения — «наперсница». Как наперсница Настя выполняет указы хозяйки: «Настя за воротами ожидала пастуха (...) Трофим, проходя перед Настей, отдал ей маленькие пестрые лапти и получил от нее полтину в награждение» (VIII, 1, 113). Настя переплатила вдесятеро — действие должно сохраниться в тайне. Она «ветрена», не прочь целоваться и «тискаться» с барином. Мы сознательно употребили такой глагол. Такая форма выражения симпатии у крестьян вполне традиционна. Но Настя не совсем крестьянка — она дворянка. Статус и мировоззрение дворянина и крестьянина разные. «Развратная дворянка» — достаточно устойчивый эпитет. Пушкин ничего развратного Насте не приписывал, но сравнивал ее с наперсницами во французской трагедии. Более того, в черновике он обозначил ее любимую песню: «Капитанская дочь». Современный Пушкину читатель прекрасно знал весь текст расхожего романса, где после падения капитанская дочь поет: «Уж я глядь-поглядь меня некому поднять» (курсив мой. — В. Г.).

Мисс Жаксон

Для характеристики данного персонажа достаточно одной пушкинской цитаты: «Ее резвость и поминутные проказы восхищали отца и приводили в отчаянье ее мадам мисс Жаксон, сорокалетнюю чопорную девицу, которая белилась и сурьмила себе брови, два раза в год перечитывала Памелу, получала за то две тысячи рублей и умирала со скуки в этой варварской России» (VIII, 1, 111).

Алексей

Оставим в стороне мимансы и у нас остается только один позитивный герой — милый и благородный Алексей. Он не идеален, поскольку не брезгает невинными дворянскими шалостями. Он может вызывать улыбку, когда играет роль овечьего хандрой посетителя отцовского имения. Но именно он, и только он, готов к совершению нравственного поступка, пускай и не без влияния романического чтения.

В его описании перемежается пушкинское и белкинское, причем иногда они соседствуют. Весьма любопытно первое знакомство с Алексеем: «Таковы были сношения между сими двумя владельцами, как сын Берестова приехал к нему в деревню. Он был воспитан в *** университете и намеревался вступить в военную службу, но отец на то не соглашался. К статской службе молодой человек чувствовал себя совершенно неспособным. Они друг другу не уступали, и молодой Алексей стал жить покамест барином, отпустив усы на всякий случай». Алексей встает в один ряд с тугиловским и прилучинским антиподами, а характеристика заканчивается банальной, абсолютно белкинской фразой, говорящей о его гусарском пристрастии: «отпустив усы на всякий случай». Следующей фразой Пушкин как бы выводит Алексея из этого поля соседской склоки и тривиальных характеристик: «Алексей был, в самом деле, молодец» (VIII, 1, 110).

В пушкинской повести есть уникальный каламбур, который вроде бы не замечен критикой. Пушкин... списывает с Пушкина. Вернее, Белкин с «Евгения Онегина»: «Легко вообразить, какое впечатление Алексей должен был произвести в кругу наших барышень. Он первый перед ними явился мрачным и разочарованным, первый говорил им об утраченных радостях и об увядшей своей юности; сверх того носил он черное кольцо с изображением мертвой головы. Все это было

чрезвычайно ново в той губернии. Барышни сходили по нем с ума» (VIII, 1, 111). На наш взгляд, это почти изложение Белкиным пушкинского романа в стихах и блестящая пародия на Татьяну и Онегина самого Пушкина. Сам Пушкин указывает на это, мягко и лирично комментируя «хандрическую роль» Алексея и показывая его истинную натуру: «Дело в том, что Алексей, несмотря на роковое кольцо, на таинственную переписку и на мрачную разочарованность, был добрый и пылкий малый и имел сердце чистое, способное чувствовать наслаждения невинности». Искренность Алексея подчеркивается мгновенным разоблачением его попыток искусственного поведения (представление Акулине камердинером), реакцией на желание поклясться «женской» клятвой: «Алексей поклялся было ей святою пятницею, но она с улыбкой остановила его» (VIII, 1, 116).

Есть мягкая ирония и в описании решения Алексея жениться на крестьянке Акулине. Его решение отчасти и отповедь отцу: «стал размышлять о пределах власти родительской, о Лизавете Григорьевне, о торжественном обещании отца сделать его нищим, и наконец об Акулине». Эпитет «романический» говорит о книжности его чувства: «романическая мысль жениться на крестьянке и жить своими трудами пришла ему в голову». Ирония читается и в концовке: «Тотчас отнес он письмо на почту, в дупло, и лег спать весьма довольный собою». Но все это не суть важно: «В первый раз видел он ясно, что он в нее страстно влюблен» (VIII, 1, 123). При всех иронических оговорках он решился на поступок, не суливший ему легкой и привычной жизни. Нравственная победа остается за Алексеем. Лизе Пушкин в таких переживаниях отказал.

Существует множество причин, чтобы понять восприятие Баратынского. С первого же предложения, напоминающего обрамляющую формулу сказки («В одной из отдаленных наших губерний находилось имение Ивана Петровича Берестова»), Пушкин сразу начинает «играть» с читателем: часто даже в одном предложении даются как уважительные, так и сниженные характеристики того или другого персонажа. В итоге получаются: домовитый позер (Берестов), чудак, но умный (Муромцев), притворяющийся, но смелый и хороший (Алексей), приятная, но вздорная и ветреная (Лиза). Примечательно, что, четко обозначив положительную характеристику (например: «Он выстроил дом по собственному плану, завел у себя суконную фабрику, утроил доходы <...>» (VIII, 1, 109)), негативную оценку Пушкин как бы маскирует нюансами действия или одежды персонажа (например: «В два часа ровно коляска домашней работы, запряженная шестью лошадьми <...>»). Увы, но скрывающийся со временем от читателя игровой подтекст хрестоматийного произведения не всегда позволяет ему понять пушкинский взгляд на своих героев.

Пушкин просто издевается над Белкиным. Он постоянно заимствует известные мотивы — Шекспира, Вальтера Скотта и даже самого Пушкина; выставляется «наивным писателем»: он бывает и графоманом, и неудачным эпигоном сентиментализма. Сконцентрировав в одном небольшом отрывке повести всю сентиментальную формульность и легко узнаваемые мотивы и сюжеты других сентиментальных произведений, он дошел до того, что смешал три времени года в одно утро и приписал роще «водные» эпитеты.

Герои повести изрядно комичны: англоман Муромский весьма затруднен в английском языке, бывший гвардейский офицер Берестов ощущает «военную победу», затравив зайца и препровождая ушибленного соседа. Лиза обуреваема чувствами — ею движет любопытство, *страсть и ревность*. Любопытство очевидно, ревность объясняется желанием Лизы увидеть Алексея сразу после рассказа Насти о его игре в горелки с поцелуями с деревенскими девками. Все это подкрепляется намеками на страстность Лизы, чему служит культурная репутация ее имени, обозначение служанки наперсницей, ассоциации с расхожей песенной пасторалью. Страстность невозможна без эротического начала, а его в повести изрядное количе-

ство — от эпиграфа из «Душеньки» Богдановича до пасторального сюжета «В островах охотник».

Только поведение главной героини затрудняет искомое любовное разрешение. Желанием проверить любовь Алексея (если бы он объяснялся с рябой Акулиной — дочерью кузнеца) она могла прервать отношения, ее переодевание тоже не способствовало сближению. Все остальные — влюбленный и решительный Алексей (который сначала не прочь пошалить с крестьянками), расчетливые Берестов и Муромский, служанка Настя, пастух, мальчишки с трещотками, стремянной, куцай кобылка и даже борзые и заяц — все действуют во благо счастливой развязки.

Если бы Пушкин не оставил в черновиках песенные «куплеты», то повесть вполне могла бы напоминать водевиль. Веселая театральность, комедия положений повести очевидна. Уже в самом начале (шестое предложение) Пушкин начинает переодевать своих героев. Он неоднократно и очень подробно описывает их одежду, ролевые костюмы (крестьянская и маскарадная одежда Лизы, сюртук и чекмень, подбитый лисьим мехом у Берестова).³⁷ С самого начала все получают «прозвища» — один англоман, другой медведь, третья — Бетси и Акулина.³⁸

Все в пьесе играют роли: один — уездного генерала, другой — англичанина, третья — крестьянку. Приехавший в деревню Алексей, попытавший роль дворецкого и мгновенно разоблаченный, никакой маски не носит. У него нет прозвища и ничего не говорится о его одежде. Он ведет себя естественно и одерживает нравственную победу. И Пушкин его искренне обозначает молодцом. А над «актерами», благодаря своим «камертоналным» и иным оценкам, он изрядно смеется, тем самым их и разоблачая.

Если постоянно смеется Пушкин, то не грех повеселиться и Баратынскому. Тем более что Пушкин явно доволен такой реакцией. В своем письме П. Плетневу 9 декабря 1830 года, с пометой «Для тебя единого», он пишет: «Еще не всё (весьма секретное) 1. Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьет — и которые напечатаем также Анониме». Если Пушкин только приписал такую реакцию Баратынскому, то комментарий повести заставляет нас присоединиться к желаемому.

³⁷ Пушкин прямо не описывает только одежду Муромского, но косвенных описаний множество, даже «конохи его были одеты английскими жокеями» (VIII, 1, 109).

³⁸ На театральность действия возможно намекает и пушкинский курсив в «как пишет один старинный комментатор». Аналогичная фраза звучит во втором предисловии Расина в его «Андромахе» (Расин Ж. Трагедии. Л., 1977. С. 10).

© Н. Е. Никонова

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКОГО К. К. ЗЕЙДЛИЦУ: РУССКО-НЕМЕЦКИЙ ДИАЛОГ

(Окончание)*

26

31 декабря 1847 года. Франкфурт-на-Майне

Мой милый Зейдлиц, пишу к тебе живой, но получишь письмо от мертвого. Если бы письмо мое было адресовано из того края, где я буду в то время, когда ты

* Начало см.: Русская литература. 2011. № 1. С. 95—119.